

История начинается с предыстории...

У этого эссе о стихотворении и картине есть маленькая предыстория. На одной из осенних встреч Клуба любителей чтения я решила рассказать о какой-нибудь картине с осенним сюжетом. Мне почему-то сразу вспомнилось произведение Миллеса «Осенние листья». Я попросила Галю Леонову, если она сможет, пожелает, написать стихотворение к этой картине. Ведь немногие поэты пишут стихи, навеянные произведениями изобразительного искусства. Стихотворение получилось достойного уровня. Оно и картина так взаимно обогащали друг друга, что я взялась отдать дань обоим – написать небольшое эссе.

Стихотворение Галины Леоновой «Осенние листья» написано по мотивам одноимённой картины английского художника-прерафаэлиты Дж. Э. Миллеса (1829–1896). Позволю себе утверждать, что это одно из лучших русскоязычных стихотворений, принадлежащих перу современных авторов. Оно к тому же, при всей своей самодостаточности, передаёт замысел художника, настроение и строй живописного полотна.

Осенние листья

Листья осенние – смерти несметные...

Юные лица подёрнуты тлением.

О увядание в пору расцветную,

В свежих устах погребальное пение.

«Си-соль-ми-до» – этой жизни распевочка.

Время отстукают ленточки алые.

Где твой Адам, златокудрая Евочка?

Где ваши рыцари, барышни в трауре?

Третий ударит над листьями колокол.

Всё как и водится: смерть, вознесение...

Синею птицею – дымное облако

На нотоносце заката осеннего.

Безупречное по форме, с тонкой изящной образностью, стихотворение завораживает и пленяет. В нём, как и в картине Миллеса, есть какая-то манящая, очаровывающая, тревожащая тайна. В ауре, окаймляющей стихотворение подобно тому как рама окаймляет картину, явно различимы общая культура автора, утончённость чувств и изящество души. О скорбном, в тёмной тональности, оно, тем не менее, озарено и согрето отблеском от живоносного душевного света. При выдержанной форме стихотворение получилось ёмким и многогранным. В двенадцати строках отражена сюжетная сторона полотна и его идейная подоплёка, даны философские размышления, передан пейзаж, создано настроение...

Миллес создал философское произведение, элегическое по настроению, о быстротечности жизни, о том, что красоте и молодости суждено погибнуть, сгореть на костре времени. Как отжили, пожухли и собраны для сожжения эти осенние листья.

Юные нежные лица, словно бутоны на дымчато-тёмных стеблях. Философская идея жизни и смерти в движении взглядов героинь. Статуарность фигур в тёмных платьях. Неверный свет заходящего солнца, придающий лицам и пейзажу таинственность и тревожность. Деревья, похожие на свечи и горящие изнутри мягким светом. И листья, листья, листья... Холмик из пожухлых листьев с переливами их формы и окраски — как равноправный персонаж картины. Листья, падающие из рук девушки. Листья, стелющиеся у ног. Резной лист в корзине. Неопавшие листья на деревьях. Бытовая сценка, участники которой заняты прозаическим делом, преломлена волей и мастерством художника в ритуальную.

Живописное и стихотворное полотна не только соответствуют друг другу по замыслу, сюжету, настроению, цветовому решению, но и зажигают друг друга, как дополнительные цвета, взаимно усиливают эмоциональное воздействие.

Автор стихотворения словно живописует словами. Точно подобранные слова — это положенные в нужном месте, верные по цвету мазки.

Стихотворение наполнено музыкой и звуками, и всё в нём звучит в согласии с замыслом художника, в основе которого идея о быстротечности времени, бренности, о том, что всё юное, цветущее и прекрасное обречено на увядание. О том, что в цветении уже сокрыто тление.

Пение — погребальное. Колокол звучит каким-то завершающим, венчающим жизнь ударом. Ленточки, напоминающие стрелки, отстукивают время, как часы. Распевочка идёт по нисходящей, уводя в нижний регистр, в нижний мир, под черту нотного стана — как в землю. Все ноты распевочки звучат через одну, без своих соседних, словно указывая на какую-то брешь, провал, одинокость. Внутреннее напряжение, драматизм стихотворному полотну придают контрасты,

присущие и картине: юность – тление, свежесть – траурность, увядание – расцвет.

Стихотворение написано – дактилем. Скорее всего, само название картины Миллеса задало этот стихотворный размер. Два безударных слога, следующие за ударным, придают мягкость и напевность, замедленность поэтической речи, некоторую недосказанность, что соответствует всей мягкости, налёту таинственности в живописном решении картины.

Уменьшительно-ласкательные формы: «ленточки», «распевочка», «Евочка» да и весь строй стиха – соответствуют нежному возрасту героинь на картине. Стих звучит юно и молодо, как юны и молоды персонажи Миллеса.

Некоторые строки стихотворения сами по себе могут быть стихами в одну строчку и даже афористического толка: «Листья осенние – смерти несметные...» Удачно найденное ёмкое слово «несметные» объединяет в себе два представления: листья, которые не вымести и которых огромное количество. Аллитерация в строке обогащает тему «осенним» звучанием: напоминает о шелесте падающих листьев. Само повествование, где всё словно усыпано листьями, окольцовано темой осени: «листья осенние – заката осеннего».

При всей синтаксической простоте и смысловой ясности стихотворения рифма в некоторых строчках изощрённая, рассчитанная на искусшённый слух. Рифмуются не отдельные слова, а части строк или даже строки полностью. Как, например, первая и третья в последнем четверостишии. Созвучие полнее ощущается при восприятии строк целиком. Такая рифма создаёт некоторое напряжение, призывающее читателя к сотворчеству.

Притягивает внимание и богатый поэтический словарь автора, причём – активный, лёгкость в обращении со словами. Слова редкие, нарядные, определённого контекста: «подёрну-

ты», «златокудрая», «барышни», «вознесение», музыкальные термины удачно и естественно вплетены в стихотворную ткань. Так же наряжен (даже декоративен) и благозвучен весь фонетический строй.

Подбор слов и смыслов в стихотворении передаёт аромат и дыхание прошлого. Создаёт картину реальности иного порядка: мира, где есть барышни и могут быть рыцари. Где есть Евочка – девочка, держащая яблоко. Где существуют таинственные распевочки, содержащие ключ к пониманию жизни. Где над листьями может ударить колокол, сам порождённый ворохом осенних листьев. Где клочки облаков – это ноты, а деревья делят даль на такты... Таким образом, стихотворная ткань получилась плотной и драгоценной, как парча, изящной, тонкой выделки, как виссон. С вытканными картиной и узорами с обрамляющей каймой, где ткалось всё из ярких нитей благородных оттенков.

Судя даже по этому одному стихотворению, можно заметить, что его автору присуще умение не только смотреть, но и видеть, и даже – провидеть. Это человек неординарный, с живой, неспящей душой. Галине Леоновой свойственны культура стиха, хороший вкус, изысканность поэтической речи.

Удивительно: стихотворение писалось в ответ на просьбу, на заказ, а получился – маленький шедевр. Наряду с поэтической одарённостью автора, здесь, наверное, сыграли роль и обаяние картины Дж. Э. Миллеса, а также соответствие всего её строя душевному строю поэтессы Галины Леоновой.